
ПРОБЛЕМА ВЛИЯНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ НА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНУЮ ТРАНСФОРМАЦИЮ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ МОДЕЛИ

В.Э. Абелинскайте

Кафедра сравнительной политологии
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
ул. Мясницкая, 20, Москва, Россия, 101000

Статья посвящена поиску путей согласования, используемых при исследовании влияния политической элиты на процесс трансформации институтов государственной власти в современных государствах парадигм: нового институционализма и теории элит. В статье предлагается неформальная модель в виде исследовательского алгоритма, устанавливающего для подробного анализа ряд факторов модели, таких как рассогласование формальных институтов и неформальных практик политической элиты, степень обладания ресурсами и характеристики политической элиты.

Ключевые слова: политическая элита, институты, трансформация, политические ресурсы, неформальные практики.

При попытке анализа политической и социальной реальности мы с неизбежностью наталкиваемся на ряд существенных вопросов, ответы на которые позволяют нам выработать исследовательские инструменты для понимания ключевых процессов в этих сферах. Один из таких вопросов: какие силы влияют на изменение политических институтов, по каким траекториям и в зависимости от чего эти институциональные изменения происходят?

Основываясь на допущении, что именно институты являются основой политической системы, а их трансформация — соответственно ключевым процессом развития той или иной политической системы, мы предполагаем, что ключевым участником политического процесса, а значит и актором, влияющим на траектории институциональной трансформации, является особая социальная группа — политическая элита.

Доступ к властным полномочиям позволяет политической элите в значительной степени определять институциональный дизайн, совершать «действия, направленные на изменение „правил игры“» [5. С. 40], т.е. осуществлять «постоянный правовой контроль [который, в свою очередь позволяет элите — прим. авт.], сохранять властвующие функции» [6. С. 1]. Подобная постановка вопроса открывает значительные перспективы для политико-правового анализа состояния политических систем в динамике.

Однако проведение исследований в рамках данного проблемного поля требует особого инструментария, позволяющего связать воедино индивидуальные и групповые стратегии элиты и трансформационные траектории. В качестве такого инструмента мы предлагаем построение отдельной неформальной каузальной модели. В ситуации, когда объект и предмет исследования накладывают на исследо-

вателя множество ограничений (в частности, проблема доступа при анализе деятельности политической элиты), именно этот тип модели представляется оптимальным. В таких условиях зачастую мы не можем специфицировать объяснительные утверждения и опираемся собственным исследовательский опыт при определении «степени логической взаимоуязванности» [14. С. 469] изучаемых процессов. При построении неформальной модели «разработчик старается найти различные способы установления логического соответствия между моделью и реальным миром» [14. С. 470]. Каузальность как свойство модели в этом случае выступает в качестве способа увеличения наглядности следствий, «вытекающих из наших посылок» [14. С. 55]. Каузальная модель «в явном виде задаст все отношения, принятые в теории» [14. С. 55], при этом мы можем увидеть направления воздействия и оценить переменные на предмет их зависимости/независимости при учете «как прямых, так и косвенных факторов» [14. С. 56].

Предлагаемая модель является достаточно простой, но позволяющей при проведении практического исследования конкретных примеров институциональных изменений учитывать влияющие на этот процесс факторы, связанные с деятельностью политической элиты. Реперными точками модели, сформулированной в виде алгоритма, являются точки приложения исследовательских усилий, концентрирующиеся в инструкциях алгоритма, затрагивающих параметры, разнящиеся в каждой конкретной политической системе.

Однако уже на первых этапах процесса формулирования такой простой модели мы сталкиваемся с рядом методологических задач, связанных с ключевой теоретической проблемой таких исследований, а именно разнонаправленностью методологических установок структурной и деятельностной парадигм. Это означает, что нам приходится одновременно принимать позицию и институционального подхода (или, если корректнее, нового институционализма) в вопросах важности структуры как фрейма, рамки человеческой деятельности (классический неинституциональный тезис «institutions matter»), и теории элит с ее акцентом на преобладающем влиянии конкретных индивидуальных действий членов организованной группы меньшинства, принимающего стратегические решения.

Таким образом, первой задачей становится преодоление парадигмального противоречия путем нахождения общих оснований, а также приемлемой для обоих подходов операционализации ключевых понятий модели.

Несмотря на явное и кажущееся неразрешимым противоречие теорий, нахождение парадигмального консенсуса возможно. Для этого, в первую очередь, мы предлагаем опереться на тезис Э. Гидденса, предлагающего рассматривать структуру (то есть институты) как часть деятельности, а точнее, поведения индивидов: «Структуры могут ограничивать нашу деятельность, но они не могут детерминировать ее. В ходе нашей повседневной деятельности мы активно создаем и изменяем социальную структуру» [4. С. 33].

Этот тезис в общих чертах схож с теорией «ориентированного на акторов институционализма» (actor-centred institutionalism) Ф. Шарпфа [13. С. 55].

Данные установки приводят нас к идее дуальности структуры, это означает усложнение анализа институциональной системы, необходимость ввода новых по-

нятий, таких как политическая элита и ресурсы политических акторов. Применение этих понятий ставит перед нами новые задачи по анализу специфических особенностей, установок и ценностей политической элиты как ключевого актора в процессе трансформации. При исследовании этих особенностей основным аналитическим инструментом в данном случае будет являться т.н. «вторичная информация», которая «отражает как формальные, так и неформальные практики элиты» [11. С. 78].

Попытка операционализации политической элиты неизменно связана с нахождением критериев выделения контролирующего меньшинства. Дж. Сартори свел все обилие трактовок к двум подходам [19. С. 81].

Меритократический подход наиболее близок к традиционному пониманию элиты как некоей группы избранных, обладающих исключительными качествами, в том числе и моральными; элита при таком подходе предстает социальной группой, выделенной по критерию превосходства своих членов.

Альтиметрический подход, наиболее отвечающий научному взгляду на категорию политической элиты, этого свойства избранности не подчеркивает, а лишь фиксирует наличие элиты как правящей группы, находящейся на вершине социальной пирамиды.

Было бы логичным дополнить это тезисом о принятии стратегических решений как основной функции и отличительном качестве элиты (в этом смысле ряд характеристики российской политической элиты выглядит более чем странным: «понимание профессионализма и компетентности представителя политической элиты заключается в том, чтобы не участвовать в процессе принятия решений» [10. С. 56]). Также выделяется способность политической элиты к выстраиванию социальных границ, общих для всех остальных акторов: «это то, что конституирует данную группу как элиту, поскольку именно право и возможность фиксировать других и себя в системе социальных координат определяет истинное руководство» [7. С. 142].

При более широком взгляде на социальную структуру, в которую встроена политическая элита, мы обращаемся к теории социальной стратификации, впервые выдвинутой П. Сорокиным (см.: [21]), то есть такой концепции политики, согласно которой политика и политическое имеют социально-групповую природу [15. С. 67]. Социальная стратификация фиксирует неравенство, сложившееся в ходе исторического развития, при котором одни группы людей имеют больше ресурсов, чем другие [12. С. 7], главным из ресурсов признается политический.

Такой взгляд на понимание элиты сближается с позицией представителей неоэлитистского направления исследований, в частности, институционального элитиста Т. Дая (см.: [27; 26]).

Согласно этой позиции субъект политики — это правящая элита, которая является особой социальной группой, обладающей высоким уровнем внутренней сплоченности и отличающейся от других своей природой и функциональным назначением в качестве единого центра принятия решений, оказывающего существенное влияние на тип социально-политического устройства (см.: [20. С. 125]).

Таким образом, наиболее подходящим можно назвать синтезированное определение, фиксирующее понимание элиты как определенной социальной группы, представленной сообществом лиц, обладающих позициями власти (см.: [23]) и принимающих стратегические политико-управленческие решения (то есть выполняющих наиболее важные функции в обществе (см.: [29])) в государстве.

Политическая элита характеризуется рядом специфических особенностей, оказывающих непосредственное влияние на ее деятельность по изменению институциональной структуры и, более того, зачастую определяющих саму возможность такой деятельности. Следуя элитистским установкам, мы предполагаем, что механизмы рекрутирования (основным механизмом Й. Шумпетер называет выборы (см.: [22])) определяют «лицо» представителей политической элиты, их профессиональная биография, условия и результаты «профессиональной деформации», связи с другими участниками элитного пула являются ключевыми при проведении анализа склонности политической элиты к трансформации институтов и определении направлений этой трансформации, т.е. элита «анализирует влияние изменений в институтах или политике на свое доминирующее положение и соотношение позиций элитных групп» [5. С. 35].

В этом смысле актуализируется вопрос о понимании категории институтов как таковых, а также различных их форм, одной из которых являются неформальные практики.

Классическое определение Д. Норта институтов как правил игры [16. С. 17], несомненно, требует уточнения в целях акцентирования внимания на двойственности институтов: их способность регулировать человеческую деятельность в определенных рамках (то есть снижать неопределенность) и удовлетворять потребности действующих в их рамках индивидов и организаций. Таким образом, под институтами мы будем понимать «упорядоченную, структурированную рутинную массовидную формальную... деятельность в актуализированном или предписанном виде, являющуюся реакцией на внешние вызовы и служащую удовлетворению определенных потребностей» [8. С. 164]. Эти рутинизированные практики определяют широкий круг взаимоотношений между индивидами, в т.ч. и в рамках властной элиты, включая правила замещения позиций, правила, ограничивающие сферу влияния индивида или группы индивидов, правила и нормы обмена информации, в общем виде эта исчерпывающая классификация изложена у Э. Остром (см.: [32. Р. 19]).

Чтобы понять, в каких ситуациях будет проявляться склонность политической элиты к изменениям институтов, мы вводим в модель дополнительную переменную, которая определяет, существуют ли у элитного пула предпосылки к запуску процесса неформальной институционализации. Этой переменной является понятие неформальных практик, которое мы сознательно выделяем из общего понятия институтов.

Неформальные практики в общем виде понимаются как «устойчивый тип политического поведения, выражающийся в определенной системе коллективных действий» [17. С. 10], существуют имплицитно, в сознании участников (см.: [35])

как склонности к определенному типу перцепции реальности и определенным паттернам действий [1. С. 152], «в отличие от формальных институтов... неформальные институты выступают продуктом спонтанной эволюции общества или свободного выбора институциональных норм участниками сделки» [13. С. 54].

Основные характеристики неформальных практик, интересующие нас, заключаются, с одной стороны, в их сочетаемости с формальными институтами, с другой — в самом их характере, побуждающем представителем политической элиты к вольному обращению с обозначенными формальными институтами, запускающему механизм институциональной трансформации. Идеальная ситуация, устраивающая политическую элиту, — совпадение неформальных практик и формальных институтов, любое несовпадение приводит к увеличению транзакционных издержек и перерасходу ресурсов, что устраняется после приведения практик и норм в соответствие (см.: [34]).

В терминах Дж. Хелмке и С. Левицкого это достижение ситуации конвергенции во взаимодействии практик и норм после преодоления ситуации дивергенции (см.: [28]). Ситуация дивергенции трактуется как «рассогласование» между макропорядком (набором правовых норм и формальной нормативной системой) и микропорядком (неформальными поведенческими практиками) [17. С. 390].

Институционализация практик в таких условиях первоначального рассогласования их с нормами понимается в модели как процесс неформальной институционализации (ряд исследователей рассматривают этот процесс с оценочной точки зрения как «антитворчество» элит, направленное на «оправдание их ненормативных практик» [9. С. 228].

Этот процесс, обозначенный термином, предложенным В. Гельманом [3. С. 7], протекает в условиях, значительно разнящихся в каждой политической системе на различных этапах ее развития.

Однако в любых условиях очевидно, что «элита будет стремиться легитимировать, закрепить на практике и в законе систему институтов, которая ее устраивает на данный момент» [5. С. 39], тем самым определяя правила игры не только для других акторов, но и для себя, «складывается ситуация приобщения начальствующих лиц к тем видам деятельности, которые они возглавляют, контролируют и задают формальные основания их существования» [7. С. 141].

Однако то, насколько успешны будут действия политической элиты в процессе изменения институтов, зависит от ряда факторов, важнейшим из которых является спектр ресурсов, доступных политической элите для реализации своих установок и намерений. Возможность правящей элиты использовать различные ресурсы: информационные, организационные, структурные — для закрепления своего положения является критерием институционализации элит [8. С. 180], что в свою очередь в значительно степени определяет стабильность положения элитной группы (см.: [2. С. 97]). Очевидно, что каждое успешное изменение приводит к наращиванию ресурсов, утверждая элиту в качестве доминантного игрока на политическом поле, обладающего способностью менять правила игры во время самой игры, т.е. возможностью преодолевать ограничения, накладываемые на нее

формальными институтами (см.: [30]), так «“победитель” этапа попытается, вероятно, закрепить правила, позволившие ему выиграть, чтобы продолжать выигрывать» [5. С. 41].

Таким образом, мы можем сформулировать ряд факторов, определяющих принятие того или иного решения о запуске процесса трансформации институтов. Процесс принятия решения мы предлагаем описать как процесс выбора из альтернатив, обусловленного определенными особенностями и ограничениями деятельности акторов. Условиями принятия положительного решения о начале институциональных изменений, а также узловыми точками приложения исследовательских усилий являются:

— рассогласование существующих неформальных практик и формальных институтов. Эти неформальные практики складываются под влиянием, с одной стороны, прошлого опыта (на это оказывает влияние та организация и система взаимоотношений в ней, которая определила его профессиональную биографию (подробнее о биографическом методе исследовании элиты см., например, [18. С. 150]), с другой — под влиянием характера взаимодействия в самой элитной группе;

— оценка издержек от сохранения формальных институтов в их неизменной и противоречащей их установкам форме и выгоды от их изменения;

— специфика политической элиты, в особенности степень ее сплоченности, а также мера стремления к максимизации монопольной ренты (в терминах Д. Норта это обозначается как позиция «хищника» (см.: [31])). Факторами, увеличивающими вероятность выбора стратегии на изменение формальных институтов, могут стать личный характер отношений между членами элитного пула, взаимоотношения на основе лояльности, патрон-клиентские связи, существование клановой системы или системы бюрократических «обойм», а также низкий уровень доверия между членами элиты [5. С. 56]. Вероятность предположительно уменьшается с ростом профессионализации и обезличенности отношений между представителями политической элиты;

— степень обладания ресурсами: чем они значительнее, тем выше вероятность принятия решения о применении их для институциональной трансформации. Также это решение может быть принято в условиях, когда политическая элита возлагает определенные надежды на трансформацию институтов как на источник роста собственной ресурсной базы, принимая дополнительный риск в случае неудачи;

— отсутствие, недостаточность или ущербность оценки последствий институциональной трансформации в долгосрочном периоде. Последствия могут проявиться в непосредственных сферах деятельности политической элиты, т.е. отразиться на развитии экономической сферы, области защиты прав собственности, на особенностях общественных отношений и т.д. Незаинтересованность политической элиты в подобной экспертизе повышает вероятность принятия положительного решения о начале институциональной трансформации в собственных интересах.

Итогом проведенного методологического анализа является вывод о принципиальной возможности и относительной простоте построения объяснительной

многофакторной модели на основе синтеза структурной и деятельностной парадигм. Главную методологическую роль играют парадигмальные установки нового институционализма, предоставляющего возможность для анализа деятельности индивидов на основе общих допущений об ограниченной рациональности (см.: [25]) и полноте информации, а также о стремлении к максимизации прибыли и минимизации издержек, но о реализации этого стремления различными путями, обусловленными ограничениями, накладываемыми на индивида как формальными институтами, так и его собственным личным опытом и/или профессиональным бэкграундом.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бурдые П. Социология политики. — М., 1993.
- [2] Васильева Л.Н. Элита или эрзац-элита: политическое будущее России // *Общественные науки и современность*. — 2007. — № 1.
- [3] Гельман В. Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике // *ПОЛИС (Политические исследования)*. — 2003. — № 4.
- [4] Гидденс Э. Социология. — М.: Эдиториал УРСС, 1999.
- [5] Григорьев Л. Спрос элит на право: «эффект трамвая» // *Вопросы экономики*. — 2012. — № 6.
- [6] Демидова М.В. Символическая власть и правящая элита: социально-философский анализ // «Инновации в науке»: материалы XIV международной заочной научно-практической конференции. (19 ноября 2012 г.). URL: <http://sibac.info/index.php/2009-07-01-10-21-16/5001-2012-11-26-12-34-34>.
- [7] Дука А. «Элита» и элита: понятие и социальная реальность // *Общество и экономика*. — 2008. — № 6.
- [8] Дука А. Проблемы институционализации российской политико-административной элиты: экономический и глобальный аспекты // *Власть и элиты в современной России: Сб. научных статей / Под ред. А.В. Дуки*. — СПб.: Социологическое об-во им. М.М. Ковалевского, 2003.
- [9] Карабущенко П.Л. Антитворчество политических элит: от фальсификации истории к фальсификации самих элит // *XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс*. — 2013. — № 7.
- [10] Касамара В.А., Максименкова М.С. Политическая элита глазами российских парламентариев // *Общественные науки и современность*. — 2013. — № 1.
- [11] Колесник Н.В., Тев Д.Б. Биография элиты: возможности социоструктурного анализа // *Социологические исследования*. — 2009. — № 6.
- [12] Крыштановская О. Современные концепции политической элиты и российская практика // *Мир России*. — 2004. — № 4.
- [13] Либман А.М. Институциональная конкуренция и постсоветская трансформация (Влияние неформальных институтов) // *Общественные науки и современность*. — 2006. — № 6.
- [14] Мангейм Дж. Б., Рич Р.К. Политология: Методы исследования. — М.: Издательство «Весь Мир», 1997.
- [15] Мелешкина Е. Социальная стратификация и политическая элита // *Политический процесс: основные аспекты и способы анализа: Сборник учеб. материалов / Под ред. Е.Ю. Мелешкиной*. — М.: ИНФРА-М: Весь Мир, 2001.
- [16] Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. — М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

- [17] Патрушев С.В., Айвазова С.Г., Клемент К.М., Машезерская Л.Я., Павлова Т.В., Гвоздева Е.А., Грунт З.А., Хлопин А.Д., Панов П.В. Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / Под ред. С.В. Патрушева. — М.: ИСПРАН, 2006.
- [18] Ривера Ш., Ривера Д. К более точным оценкам трансформации российской элиты // ПОЛИС. Политические исследования. — 2009. — № 5.
- [19] Сартори Дж. Вертикальная демократия // Полис. — 1993. — № 2.
- [20] Слизовский Д.Е. Политическое лидерство в контексте укрепления вертикали власти // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология». — 2001. — № 3.
- [21] Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. — М.: Директ-Медиа, 2007.
- [22] Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / Предисл. В.С. Автономова. — М.: ЭКСМО, 2007.
- [23] Этzioni А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева; Центр исслед. постиндустр. о-ва, Журн. «Свободная мысль-XXI». — М.: Ладомир, 2004.
- [24] Bromley D. Economic Interests and Institutions: The Conceptual Foundations of Public Policy. — N.Y.: Blackwell, 1989.
- [25] Czada R., Heritier A., Keman H. Institutions and Political Choice. On the limits of rationality. — Amsterdam: VUPress, 1998.
- [26] Dye T. Top Down Policymaking. — NY: Chatham House Publishers, 2001.
- [27] Dye T. Who's Running America? — New Jersey: Prentice Hall, 2001.
- [28] Helmke G., Levitsky S. Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda // Perspectives on Politics. — December 2004. — Vol. 2. — No. 4.
- [29] Keller S. Beyond the Ruling Class. Strategic Elites in Modern Society. — Wan Brunswick, 1991.
- [30] Knight J. Institutions and Social Conflict. — Cambridge, 1992.
- [31] North D. Understanding the Process of Economic Change. — Princeton University Press, 2005.
- [32] Ostrom E. An Agenda for the Study of Institutions // Public Choice. — 1986. — № 48.
- [33] Ostrom E., Crawford S. A Grammar of Institutions // American Political Science Review. — 1995. — Vol. 89. — № 3.
- [34] Pejovich S. The Effects of the Interaction of Formal and Informal Institutions on Social Stability and Economic Development // Journal of Markets & Morality 2. — Fall 1999. — No. 2.
- [35] Scharpf F. Games Real Actors Play: Actor-Centred Institutionalism in Policy Research. — Boulder, 1997.

REFERENCES

- [1] Burd'e, P., Sociologija politiki. Moscow, 1993.
- [2] Vasil'eva, L.N., Jelita ili jercac-jelita: politicheskoe budushhee Rossii. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, 2007, № 1.
- [3] Gel'man, V., Institucional'noe stroitel'stvo i neformal'nye instituty v sovremennoj rossijskoj politike. *POLIS (Politicheskie issledovanija)*, 2003, № 4.
- [4] Giddens, Je., Sociologija. Moscow, Jeditorial URSS, 1999.
- [5] Grigor'ev, L., Spros jelit na pravo: «jeffekt tramvaja». *Voprosy jekonomiki*, Ijun' 2012, № 6.
- [6] Demidova, M.V., Simvolicheskaja vlast' i pravjashhaja jelita: social'no-filosofskij analiz. «*Innovacii v nauke*»: *materialy XIV mezhdunarodnoj zaochnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (19 nojabrja 2012 g.), Available at: <http://sibac.info/index.php/2009-07-01-10-21-16/5001-2012-11-26-12-34-34>.
- [7] Duka, A., «Jelita» i jelita: ponjatie i social'naja real'nost'. *Obshhestvo i jekonomika*, Ijun' 2008, № 6.

- [8] Duka, A., Problemy institucionalizacii rossijskoj politiko-administrativnoj jelity: jekonomicheskoj i global'nyj aspekty. *Vlast' i jelity v sovremennoj Rossii*: Sb. nauchnyh statej / Pod red. A.V. Duki. SPb: Sociologicheskoe ob-vo im. M.M. Kovalevskogo, 2003.
- [9] Karabushhenko, P.L., Antivorchestvo politicheskikh jelit: ot fal'sifikacii istorii k fal'sifikacii samih jelit. *XXI vek: itogi proshlogo i problemy nastojashhego pljus*, 2013, № 7.
- [10] Kasamara, V.A., Maksimenkova, M.S., Politicheskaja jelita glazami rossijskih parlamentarijev. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, 2013, № 1.
- [11] Kolesnik, N.V., Tev, D.B., Biografija jelity: vozmozhnosti sociostrukturnogo analiza. *Sociologicheskie issledovanija*, Ijun' 2009, № 6.
- [12] Kryshchanovskaja, O., Sovremennye koncepcii politicheskoi jelity i rossijskaja praktika. *Mir Rossii*, 2004, № 4.
- [13] Libman, A.M., Institucional'naja konkurencija i postsovetskaja transformacija (Vlijanie neformal'nyh institutov). *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, 2006, № 6.
- [14] Mangejm, Dzh. B., Rich, R.K., Politologija: Metody issledovanija. M., Izdatel'stvo "Ves' Mir", 1997.
- [15] Meleshkina, E., Social'naja stratifikacija i politicheskaja jelita. *Politicheskij process: osnovnye aspekty i sposoby analiza : sbornik ucheb. materialov*. M., INFRA-M: Ves' Mir, 2001.
- [16] Nort, D., Instituty, institucional'nye izmenenija i funkcionirovanie jekonomiki / Per. s angl. A.N. Nesterenko; predisl. i nauch. red. B.Z. Mil'nera. M., Fond jekonomicheskoi knigi "Nachala", 1997.
- [17] Patrushev, S.V., Ajvazova, S.G., Klement, K.M., Mashezerskaja, L.Ja., Pavlova, T.V., Gvozdeva, E.A., Grunt, Z.A., Hlopin, A.D., Panov, P.V., Institucional'naja politologija: Sovremennyj institucionalizm i politicheskaja transformacija Rossii / Pod red. S.V. Patrusheva. Mosow, ISPRAN, 2006.
- [18] Rivera, Sh., Rivera, D., K bolee tochnym ocenkam transformacii rossijskoj jelity. *POLIS. Politicheskie issledovanija*, 2009, № 5.
- [19] Sartori, Dzh., Vertikal'naja demokratija. *Polis*, 1993, № 2.
- [20] Slizovskij, D.E., Politicheskoe liderstvo v kontekste ukreplenija vertikali vlasti. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Politologija*, 2001, № 3.
- [21] Sorokin, P.A., Social'naja i kul'turnaja dinamika., Moscow, Direkt-Media, 2007.
- [22] Shumpeter, J., Teorija jekonomicheskogo razvitija. Kapitalizm, socializm i demokratija. Moscow, JeKSMO, 2007.
- [23] Jetcioni, A., Ot imperii k soobshhestvu: novyj podhod k mezhdunarodnym otnoshenijam, Centr issled. postindustr. o-va, Zhurn. «Svobodnaja mysl'-XXI». M., Ladomir, 2004.
- [24] Bromley, D., Economic Interests and Institutions: The Conceptual Foundations of Public Policy. N.Y., Blackwell, 1989.
- [25] Czada, R., Heritier, A., Keman, H., Institutions and Political Choice. On the limits of rationality. Amsterdam, VUPress, 1998.
- [26] Dye, T., Top Down Policymaking. NY: Chatham House Publishers, 2001.
- [27] Dye, T., Who's Running America? New Jersey, Prentice Hall, 2001.
- [28] Helmke, G., Levitsky, S., Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda. *Perspectives on Politics*, December 2004, Vol. 2, No. 4.
- [29] Keller, S., Beyond the Ruling Class. Strategic Elites in Modern Society. Wan Brunswick, 1991.
- [30] Knight, J., Institutions and Social Conflict. Cambridge, 1992.
- [31] North, D., Understanding the Process of Economic Change. Princeton University Press, 2005.
- [32] Ostrom, E., An Agenda for the Study of Institutions. *Public Choice*, 1986, № 48.
- [33] Ostrom, E., Crawford, S., A Grammar of Institutions. *American Political Science Review*, 1995, Vol. 89, № 3.
- [34] Pejovich, S., The Effects of the Interaction of Formal and Informal Institutions on Social Stability and Economic Development. *Journal of Markets & Morality* 2, Fall 1999, No. 2.
- [35] Scharpf, F., Games Real Actors Play: Actor-Centred Institutionalism in Policy Research. Boulder, 1997.

PROBLEM OF POLITICAL ELITE INFLUENCE ON INSTITUTIONAL TRANSFORMATION: METHODOLOGICAL BASE OF THE MODEL

V.E. Abelinskaite

The Department of Comparative Politics, Faculty of Politics
National Research University Higher School of Economics
Myasnitskaya Ulitsa, 20, Moscow, Russia, 101000

The article is dedicated to the search of methods of agreement two paradigms: new institutionalism and the theory of elites. These paradigms determine the studies how political elite influences on the institutional transformation process. Informal model in the form of researching algorithm is proposed in the article. This algorithm defines several factors of the model such as mismatching of formal institutions and informal practices, possession of resources and political elite features.

Key words: political elite, institutions, transformation, political resources, informal practices.